

Семен Венгеров

**Николай Александрович
Бестужев**

Семен Афанасьевич Венгеров Николай Александрович Бестужев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22095154

Аннотация

«Николай Александрович Бестужев родился в 1791 в Петербурге, в даровитой и «благородной» не только по древнему дворянству своему семье. Отец – Александр Феодосиевич (1761–1810), одно время морской артиллерист, а позднее правитель канцелярии гр. Строгонова, был выдающийся для своего времени писатель-педагог; братья его – знаменитый романист Марлинский и разносторонне-талантливый Михаил Бестужев...»

Семен Венгеров

Николай Александрович

Бестужев

Николай Александрович Бестужев родился в 1791 в Петербурге, в даровитой и «благородной» не только по древнему дворянству своему семье. Отец – Александр Феодосиевич (1761–1810), одно время морской артиллерист, а позднее правитель канцелярии гр. Строгонова, был выдающийся для своего времени писатель-педагог; братья его – знаменитый романист Марлинский и разносторонне-талантливый Михаил Бестужев. Обстановка, среди которой выросли четыре брата-декабриста, была в высшей степени благоприятна и для развития их способностей, и для укрепления унаследованных от отца и матери благородных стремлений. Умный, симпатичный отец и мать – простая (из крепостных), но чрезвычайно добрая женщина, делали все, чтобы детям жилось как можно вольготнее. Для них брали лучших учителей, а кроме того благотворно на их духовное развитие действовало то, что в доме постоянно бывали ученые, писатели и художники. Вдобавок дом был «богатым музеем в миниатюре», благодаря собранному отцом превосходным коллекциям и моделям по всем отраслям наук и искусств.

Николай Бестужев учился в морском корпусе, где быстро

выдвинулся своими блестящими способностями. По окончании курса его оставили при корпусе преподавателем и воспитателем. Позднее он служил в Кронштадте, в 14 экипаже, а также при адмиралтейском департаменте, где, по поручению начальства, занимался составлением истории русского флота.

И до, и после ссылки он пробовал свои силы на литературном поприще, переводил Байрона (прозой), Томаса Мура, Вальтера Скотта, писал повести, статейки, по преимуществу посвященные эпизодам из морской истории, очерки из жизни европейских народов, а позднее из быта сибирских инородцев. С европейскою жизнью Бестужев познакомился в 1815–1817 гг. во время плавания у берегов Голландии, Франции и Испании, оказавшего решающее влияние на его политическое мировоззрение. Литературные попытки Николая Бестужева не имеют выдающегося значения, но, написанные просто и изящно, они читаются с интересом. Уже после его смерти лучшие из его очерков и рассказов – «Записки о Голландии 1815 г.», «Русские в Париже 1814 года», «Гусиное Озеро» (из быта бурят) и др. были изданы отдельной книгой под заглавием «Рассказы и повести старого моряка» (1860).

Бестужев обладал выдающимися техническими способностями: он очень быстро усваивал всевозможные виды ручной работы, и в его голове постоянно зарождались разные творческие идеи. Чего-чего он только не придумывал и не изоб-

ретал. Некоторые из его изобретений перешли в потомство с его именем. Так, служа в морском корпусе, он придумал особую спасательную лодку – «бестужевку», в Сибири построил особую экономическую «бестужевскую печь» и т. д. В Читинской тюрьме он без всяких инструментов сделал такие часы, которые ходили, не останавливаясь, по 4 года и отличались необыкновенно правильным ходом. Чинил он также в Сибири мельницы, устраивал огороды, парники, кожевенные заводы, шил сапоги, фуражки, придумал ювелирные украшения, самопишущие метеорологические приборы и т. д., и т. д. Сверх того, писал отличные акварельные портреты и иконы.

И если ко всему этому прибавить, что Бестужев был обаятельный, веселый собеседник, отличный рассказчик и декламатор и очень нравился женщинам, то, несомненно, что его ждала блестящая житейская карьера.

Но обстоятельства сложились иначе, и вместо спокойной жизни в довольстве и почете на долю его с 1825 г. выпали долголетние страдания в крепостях и на каторге.

В 1840 г. он перешел в разряд селенгинских поселенцев и умер в 1855 г., не дождавшись амнистии, последовавшей в 1856 г.

Волна освободительного движения, захватившая в первой половине царствования Александра I Бестужева-отца, во второй половине этого царствования увлекла почти всех Бестужевых-сыновей.

В ответах на вопросы, поставленные высочайше учрежденным комитетом для расследования дела декабристов, Николай Бестужев объясняет, что «укоренением свободного образа мыслей» он «никому не обязан», и что «виденного на практике в других державах достаточно было, чтобы утвердить в сих мыслях». «На практике» же с государственным строем «других держав» он познакомился во время морских экспедиций, в которых ему пришлось участвовать в 1815 и 1817 гг. Особенное впечатление произвело на него пребывание в Голландии, давшее «первое понятие о пользе законов и прав гражданских». Не малую роль в развитии понимания конституционных форм государственного строя сыграло чтение иностранных журналов и сочинений по новейшей истории. Бестужев считает нужным особо помянуть в своем показании книгу «О конституции в Англии», вышедшую в русском переводе в первые годы царствования Александра I, первую книгу, «развернувшую желание» видеть Россию конституционной страной.

За год слишком до 14 декабря, Бестужев был принят Рылеевым в число членов Северного общества. Поскольку можно доверять официальным показаниям Бестужева, он в подготовительной работе тайных обществ принимал довольно скромное участие. Однажды Рылеев предложил ему вступить в Думу, руководившую всей деятельностью Северного общества, но затем этот разговор не возобновлялся. Не принадлежа к числу вожаков, Бестужев не знал ни состава Ду-

мы, ни её планов, получая только те сведения, которые сообщал ему Рылеев. Находясь в составе общества, он привлек к числу его членов Торсона и Арбузова. Рылеев неоднократно ему «выговаривал», что он не заводит связей среди морских офицеров в Кронштадте, доказывая, что в момент восстания участие кронштадтских моряков может сыграть решающую роль. Бестужев не соглашался с этим мнением и убедил Рылеева, что поддержка флота может иметь самое ничтожное значение, а «нравственные способности» морских офицеров Кронштадта обращают пропаганду в их среде в совершенно бесплодное занятие.

В передние ряды Б. выдвинулся только в самый момент мятежа. Утром 14 декабря, по поручению Рылеева, он отправился в казармы морского экипажа, чтобы вывести матросов на Сенатскую площадь. Придя в казармы, Бестужев убедился, что обер-офицеры и нижние чины единодушно отказываются от присяги императору Николаю. Тогда он сказал лейтенанту Арбузову: «кажется, мы все здесь собрались за общим делом, и никто не отказывается из присутствующих действовать». Кто-то из молодых офицеров на это ответил: «с вами мы готовы идти». Когда на площади послышалась стрельба, Б. произнес: «пойдем на площадь выручать своих!» и вместе с экипажем двинулся на помощь восставшим полкам. Когда возмущившиеся части войск были обращены в бегство, Б., переодевшись матросом, пешком через лед бежал в Кронштадт и с подложными бумагами отправился на

Толбухинский маяк, но там был арестован и препровожден в Петербург.

Во время допроса, объясняя, почему он, «знав прежде мало из действий общества, впоследствии действовал решительно», привел четыре мотива: 1) горячо желая добра отечеству, «не смотрел на меры», 2) считал данный момент подходящим для достижения цели, 3) считал себя в праве предъявлять требования, покуда не принес присяги, 4) получил известие, что, благодаря доносу Ростовцева, планы общества раскрыты.

В шлиссельбургской крепости Бестужев содержался в 1826–1827 гг., перед отправлением в Читу.